

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ

Выпуск № 030 от 19.02.2014

Поворот судьбы

Сегодня на сцене Большого зала Филармонии выступают лирическое сопрано Юлия Новикова, недавняя выпускница петербургской Консерватории, ныне солистка европейских театров, и французский лирический тенор Себастьян Гез. Они исполняют арии и дуэты влюбленных из классических опер в программе под названием «Ромео и Джульетта». Это новый, уже четвертый, концерт проекта «Солисты оперных театров мира в Санкт-Петербурге», созданного Национальным оперным центром.

Перед концертом с Юлией НОВИКОВОЙ побеседовал музыковед Владимир ДУДИН.

– Вы представлены на афише как «оперная солистка мира». Почему вы решили уехать в Европу, не продолжили пробиваться в российских театрах? Здесь сложнее?

– Мне трудно сказать что-либо по этому поводу. У меня был единственный опыт работы в Мариинском театре: в постановке оперы «Поворот винта» Бриттена. Я прошла прослушивание, устроенное командой английских постановщиков. Хороший английский язык тогда очень помог получить роль. Но это не была работа в штате. Что касается Европы, то там действительно все более понятно. Хотя попасть в самые крупные и известные театры тоже непросто. Но там много очень неплохих оперных театров, где регулярно устраиваются прослушивания и куда часто берут в труппу молодых певцов. Контракт заключается, как правило, на два года.

– С какими сложностями пришлось столкнуться в европейских театрах?

– Надо было петь по-итальянски – как итальянцы, по-немецки – как немцы и австрийцы, по-французски – как французы.

– Школа Ольги Кондиной, солистки Мариинского театра, у которой вы учились в петербургской Консерватории, помогла?

– Хорошего, «волшебного» звука хотят добиться все, кто занимается оперным пением. В этом смысле все школы одинаковы. Ольга Дмитриевна обладает уникальной способностью не только объяснять, что такое хороший звук, но и понятно показывать, как этого добиться.

– Мне довелось побывать на ваших сольных вечерах в норвежском Тромсе, где проходил фестиваль «Северное сияние», и в «Галерее» на Шпицбергене. Мне показалось, что программа сделана для будущего сольного альбома. Вы планируете его выпустить?

– В таком случае это программа для двух сольных альбомов: один с романтической камерной музыкой, а другой – с оперными ариями. Конечно, у меня есть идеи, как

сделать интересные программы, но все это будет не завтра. К тому же рынок звукозаписи сейчас перенасыщен.

– Расскажите, как вы оказались в проекте постановки оперы «Риголетто» Верди, которая снималась под открытым небом в тех краях, где происходит действие оперы, и транслировалась в прямом эфире?

– На первом туре конкурса «Опералия», которым руководит Пласидо Доминго, я пела арию Джильды из «Риголетто». Пласидо Доминго, послушав меня, позвонил режиссеру и продюсеру этого проекта Андреа Андерманну и пригласил его приехать на третий тур, пообещав, что будет интересно, но не называл моей фамилии. После финала конкурса, на котором я исполнила арию Лакме из одноименной оперы Делиба, Андерманн подошел ко мне и сказал, что понял, зачем маэстро попросил его приехать. Так мы и познакомились. Я к тому времени уже видела его проект «Травиата» в Париже» и небольшой фильм о том, как проходили съемки. Окончательное же решение пригласить меня в свой проект Андерманн принял после того, как побывал в Берлине на спектакле «Риголетто», где я пела Джильду. Мы с ним несколько раз встречались, беседовали, я ездила в Рим на фотопробы.

– Насколько сложным был съемочный процесс?

– Очень сложным. Все происходило в прямом эфире, где не было дублей, как в кино. Но «картинка» со всеми составляющими при этом должна была быть такой же красивой, как в кино. Нас снимали на большое количество камер. Нужно было передвигаться по строго выстроенной схеме каждого эпизода, оставаться в образе и при этом соответствовать музыке. Мы при этом не видели дирижера, а оркестр слышали из расставленных динамиков. Отсутствие мониторов с дирижером было принципиальным требованием, чтобы не нарушалась естественность поведения в кадре, чтобы никто не смотрел на монитор, а выполнял актерскую задачу. Мы должны были идеально выполнить все, что проработали с дирижером на репетициях.

– Чувствовали дыхание конкуренток за спиной? Или маэстро Доминго оградил вас от них?

– Проект появился задолго до того, как я познакомилась с Доминго на «Опералии», поэтому, конечно, другие кандидатуры были. Но окончательное решение принимал не маэстро Доминго, а Андреа Андерманн.

– Вашим партнером в концерте в Филармонии выступает никому здесь не известный французский тенор Себастьян Гез. Почему вы выбрали именно его?

– Мы познакомились на съемках в Мантуе. Себастьян страховал итальянского тенора Витторио Григоло, который пел Герцога. Мы много репетировали с Себастьяном, и мне сразу стало понятно, что нам удобно играть и петь вместе. По мнению всех, кто участвовал в постановке «Риголетто», мы могли бы стать идеальными партнерами для постановки «Ромео и Джульетты» Гуно. Мы с Себастьяном пытались и раньше воплотить идею совместного концерта, но только сейчас все совпало. К тому же оказалось, что Ринат Дулмаганов, директор Национального оперного центра, знал о Себастьяне независимо от меня.

– В ваших планах на будущее есть выступления на российской оперной сцене?

– В моих ближайших планах Цербинетта в «Ариадне на Накосе» Штрауса, «Лакме» Делиба, Джильда в «Риголетто», и все это по-прежнему не в России. Хотя мне хотелось бы петь и здесь.

Copyright (C) 2000 Издательский дом "С.-Петербургские ведомости"
191025 Санкт-Петербург, Ул. Марата 25. Телефон: +7 (812) 325-31-00 Факс: +7 (812) 764-48-40
E-mail: post@spbvedomosti.ru